

Джули Ричардс

 ПИСЬМА,
СОГРЕТЫЕ
СОЛНЦЕМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Оформление — *В. Давлетбаева*

Ричардс Джули.

Р56 Письма, согретые солнцем : [роман] / Джули Ричардс. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Детектив с секретом).

ISBN 978-5-17-184690-9

«Письма, Согретые Солнцем» — драматичная история переплетения человеческих жизней и судеб в форме электронных сообщений, анонимных посланий, бумажных писем, отрывков из дневников, и не только. Тайны, которые раскроются только в финале. Разные Судьбы. Герои. Эпохи. Города. Времена.

Череда таинственных преступлений. Кто стоит за всем криминалом? Загадочные события прошлого и настоящего.

Саманта Блэквуд, Джек Макгрегор, Молли, Фрэнк, Шарлотта Шевальер, Бастиан Легран, и многие другие герои — как сложатся судьбы тех, кто никогда не должен был пересечься друг с другом, если бы не... И найдется ли среди всего этого криминального хаоса место чему-то еще, например, чувствам?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184690-9

© Джули Ричардс, 2026
© ООО "Издательство «АСТ», 2026

Пролог 1

Письмо от Джеймса Уотерса для Эшли Диксон

1940-е годы, США

Эшли, я опаздываю. Отправляюсь лишь через несколько дней. Всё из-за плохих погодных условий. По крайней мере, надеюсь на их улучшение. Но непогода не так пугает меня, как одно странное происшествие, случившееся со мной на одной из станций. Один человек собирался выходить из поезда. Я заметил: старик весьма плохо себя чувствовал. Поезд остановился. И пассажир также замедлил ход. Кажалось, этот человек вот-вот потеряет сознание. Тогда я заинтересовался у него, не нужна ли ему помощь. Он только покачал головой, а затем почти моментально схватился за сердце. Я спросил, не нужен ли ему врач. Он наотрез отказался. Лишь попросил достать лекарство. Из своего чемодана. Знаешь, Эшли, когда утром куда-нибудь собираешься, как-то не задумываешься о том, что вечером совершенно чужому человеку в вагоне поезда срочно потребуется медицинская помощь. Вероятно, стоит об этом задуматься. Всерьез. Но рассказываю дальше. Я достал таблетки. Старик скупо поблагодарил меня (на большее просто не осталось сил), и вскоре, невольно чертыхнувшись, выпорхнул на одной из следующих станций. Навстречу колкому ледянящему ветру. Больше того человека я не видел. Двери поезда закрылись.

До приезда к тебе оставалось всего ничего (если бы не внезапный снегопад, из-за которого, как мне стало недавно известно, отменили все рейсы на ближайшие дни). Но вернемся, Эшли, к происшествию. С этими блаженными мыслями о нашей скорой встрече я прошествовал в вагон, удобно устроился (как мне показалось), но не тут-то было.

Мои ноги впились в забытый чемодан только что покинувшего поезд пассажира. Казалось, совсем недавно я с беспокойством передавал ему лекарство, а отдать чемодан как раз и забыл.

Как же так? Но факт остается фактом: он у меня. Я не любитель просматривать чужие вещи, но кто знает, ЧТО было на уме этого человека? Вдруг он специально оставил свой багаж? Умышленно? Инсценировал резкое ухудшение здоровья? Что могло находиться внутри? Что угодно. Например, бомба. Но, к моему глубочайшему удивлению, внутри покоились очки, часы, обычная ручка и книга. «Финансист» Драйзера. Коллекционное карманное издание. Старик-интеллектуал, знающий толк в раритетах. Может быть, он хотел его кому-то подарить? Кто знает. В любом случае, теперь это издание досталось мне. Не бежать же мне было за этим человеком? В самом-то деле. Знаешь, Эшли, так всё это странно. Полупустой чемодан, но в нём томик Драйзера. Никакой одежды. Или туалетных принадлежностей. Ничего. Будем надеяться, что это странно-случайное происшествие не принесет нам бед. Никаких. В конце концов, какие несчастья может принести в судьбы людей безобидный том Теодора Драйзера? Даже не знаю, почему у меня вдруг возникли подобные мысли. Этот фолиант завораживает... Надо бы посмотреть его лучше...

Пролог 2

Письмо Шарлотты Шевальер для Бастиана Леграна

1990 год, Франция

Легран, то, что мы видели в той Картинной Галерее и что произошло потом... всё это мне крайне не нравится. Вам не мешало бы научиться более быстро и бесшумно исчезать с поля зрения жандармов. Хотя о чем это я – умение пользоваться умом – это, к несчастью, тоже не про вас. Еще пара минут и нам бы пришлось кого-то там искалечить, хотя, кажется, мы это сделали. Сигнализация в этот раз нас подвела, будь она неладна. Еще давно я ввела для себя правило: только картины, никаких несчастных случаев. Но сегодня все могло обернуться иначе и в не нашу пользу: месье-медленный-ум. Не устану вам напоминать об этом. Подумать страшно: красиво обставленная частная картинная галерея, находящаяся в таком невероятно живописном месте, таит в себе столько загадок и тайн. И мы стали им одновременно свидетелями и соучастниками. Ты хоть понимаешь, на какой риск мы пошли ради чертовой картины? Да, я внезапно перешла на «ты». Хотя люблю держать между нами дистанцию. Это всё нервы, не иначе. Так вот, ты хоть понимаешь, насколько далеко мы зашли? И, черт возьми, мы видели труп!!! Кто это был и что за всем этим стоит?

И, да, касаясь трупов: мы тоже чуть не превратили, сам знаешь кого, в безжизненное тело. Да, он сейчас в больнице, но откуда мы знаем: вдруг счетчик его жизни пошел на убыль и вот-вот готов сделать последний стук сердца. И в этом будем виновны мы, чертов ты, Бастиан Легран. Как и в том, если жандармы начнут искать нас как соучастников преступления по делу об убийстве. Мало нам было, по несчастливой случайности, отправить в больницу одного, так еще

и этот труп, случайно нами обнаруженный... Кажется, там до нас что-то успело произойти. А виновны можем оказаться мы. Как так? И да, сегодня в утренней газете напечатали об этом происшествии. И там были строки, что вроде кто-то видел, как некие женщина и мужчина в масках убегали оттуда, в то время как всюю истошно ревели сигнализация. Черт возьми, это были мы. Нас могут искать.

Письмо Бастиана Леграна для Шарлотты Шевальер

1990 год

Шевальер, рад получить весточку с твоим легендарным сарказмом. Но сразу скажу, что не понимаю, зачем писать целых три восклицательных знака после слова «труп». Я понял бы и с одним. Но перейду к делу: да, тот труп – и правда совсем жуткое и неприятное зрелище. Месиво. Еще разбитая ваза рядом... Осколки дополнили антураж гнетущей атмосферы. Но зачем забивать себе голову размышлениями о том, что и почему случилось? Пусть это станет проблемой для нашего босса, но не для нас, Шевальер. У нас впереди еще много важных миссий. Не забивай себе голову ненужной информацией. Но на всякий случай, если тебе будет спокойно, я попрошу своих людей съездить в больницу, проведать того, за кого ты так переживаешь... И не будь ты такой пессимисткой, у него еще здоровье хоть куда. Но даже если что: он не наш родственник, чтобы о нем так переживать. А что насчет этих пронырливых сыщиков-жандармов... Опять же, не разводи панику на пустом месте. Как они правильно написали: мы были в масках. Пусть теперь ищут по всему Парижу и его окрестностям неких мужчин и женщину в черных масках...

Мне ли тебе напоминать, сколько лет они уже нас ищут, но все никак не могут найти? Бедные ребята... Удачи им огромной.

Неужели тебя и правда так сильно волнует тот труп, кто это, и что с ним было? И тот человек в больнице, который тоже может стать безжизненной телесной оболочкой? Шевальер, раньше ты была куда более хладнокровной... Думаешь, в этот раз жандармы отыщут нас?

* * *

Часть первая

Письмо №1 от Саманты Блэквуд для Джека Макгрегора

*15 марта, 1990 год
Штат Аляска, город Анкоридж, США*

Привет, мой неизвестный друг.

Сегодня в школе наша учительница миссис Вудс принесла нам целую стопку конвертов. Нет, не так. Слишком уныло и жалко. Подумаешь, наверное, что мы и конвертов-то в жизни никогда не видели. Она продиктовала нам адреса всех ребят нашего возраста из базы твоей школы в Калифорнии. Из всего длинного списка я сразу выбрала тебя. Почему? Хорошая у тебя фамилия. Макгрегор. Джек Макгрегор. Может быть: мне стало интересно, как может выглядеть человек с такой респектабельной фамилией в свои столь юные годы? Вполне возможно. Тебе сейчас, как и мне, одиннадцать лет.

Миссис Вудс говорит, наши школы заключили между собой какое-то соглашение, и теперь мы что-то вроде друзей. Неплохо, да? Так вот, составители программы «Дружба между Аляской и Калифорнией» верят, что мы сможем найти хороших друзей по переписке. И когда-нибудь слетать к ним в гости. Но это всё потом. Я ведь тебя даже совсем не знаю! Может быть, ты первый скандалист в классе. Знай сразу, с такими я никаких дел не имею. Никогда. Или, может быть, ты и вовсе не желаешь ни с кем дружить? Что ж, две разные крайности. Две бездны отчаяния. Дружба — самое главное, что есть в жизни! С людьми нужно дружить. Я так и делаю. У меня к тебе, конечно, множество горящих вопросов. Разумеется. Но я пока не стану их задавать. Вдруг ты просто найдешь в своем почтовом ящике это послание, вскроешь конверт, прочитаешь письмо и выбросишь его в никуда? Или вовсе не

станешь читать? Не знаю. Я всегда всё дочитываю. Писатели всегда стараются, и так жаль, если читатели не доходят до финала задуманной автором невероятной истории. Вот моя сестра говорит, я слишком умная для своих лет. Но сейчас не об этом.

Смотри, сколько я тебе уже всего тут написала (если ты вдруг задумаешься и решишь дочитать до конца). Пора гасить яркий свет и ложиться спать. Мама уже ругается. Завтра утром я отдам запечатанное письмо миссис Вудс, а уже вечером она его отправит. Прямым в солнечную Калифорнию. Спокойной ночи, Макгрегор. Или доброе утро? Не знаю, сколько у тебя сейчас там времени.

P.S. Пока не стану вкладывать свою фотографию. Знаешь, не очень хочется быть выброшенной и лежать где-нибудь на асфальте твоего городка, плаваясь от невыносимой жары.

P.S №2. У нас за окном минусовая температура. Такое случается и весной. Что ж, Макгрегор, на этом заканчиваю свое письмо. Мне действительно пора спать.

Письмо от Джека Макгрегора для Саманты Блэквуд

1 апреля, 1990 год

*Штат Калифорния, округ Керн,
город Бейкерсфилд, США*

Привет, Саманта.

Наверное, ты уже догадалась, кто тебе пишет. Как видишь, я не выбросил твое письмо. Совсем, конечно, не ожидал его получить, но наша учительница, миссис Хендрикс, тоже что-то говорила про эту программу дружбы между школами. Я хотел кого-нибудь выбрать, но не успел. Катался на велосипеде, упал и повредил ногу. Ад. Лежал в больнице, только потому тебе сейчас и отвечаю. Скандалы — это не моя реальность. Нет. Хожу на шахматы, а на школьных матчах по баскетболу отсиживаюсь на скамейке запасных. Расскажешь о себе? Своих увлечениях? Своей семье? Мой отец, например, коллекционирует редкие дорогие картины, у него своя частная Галерея. Мне так интересно узнать о тебе. Саманта Блэквуд, зря ты не вложила свою фотографию. Мое воображение упорно рисует тебя отличницей. И весьма умной. Кстати, я тоже всегда дочитываю книги и часто ныряю на

полки нашей домашней библиотеки с целью очередного увлекательного времяпрепровождения. Особенно мне нравятся приключения! Прилетишь когда-нибудь в гости, покажу тебе свою коллекцию таких книг. Непременно. Жду ответа и твою фотографию. (Свою я вложил, увидишь на ней мое кислое лицо на очередном скучном школьном шахматном турнире, взял первый приз, и мама решила меня сфотографировать)

P.S. У вас морозы, а у нас жара. Не совсем, конечно, уж и непередаваемая, жить можно. Почти, как и всегда.

*Письмо от Шарлотты Шевальер
для Бастиана Леграна*

*Март, 1990 год
Париж, Франция*

Я прождала вас целый час, но вы, расчетливый мой друг, так и не соизволили явиться. Уж не знаю, окажете ли вы милость объяснить причину столь вопиюще неподобающего поступка, не делающего вам никакой чести. Совершенно. Мое девичье, но не по годам сметливое, воображение рисует мне тысячи причин усомниться в ваших способностях. Вы лжец. Надеюсь, и сами догадываетесь об этом, «меся-не-приду-вовремя?». Мне претит ваше донельзя показное самодовольство, так свойственное молодым актерам скучных театральных постановок. Наигранные представления с оттенком фальши, смешанные с волной небывалого лицемерия. Только вы, вероятно, позабыли, что к миру искусства никакого отношения никогда и не имели. Да и юнцом, кажется, были в прошлой жизни. Или позапрошлой? Впрочем, без разницы. Наша сделка не состоялась. План не сработал. По вашей вине. Желали того вы или нет, но это так. Больше не смею отнимать ваше ничтожно-драгоценное время. Я все сделаю сама. Отныне вы мне не советчик. Решительные действия не терпят медлительных и нерасторопных людей. Вроде вас. Уж поверьте, Бульвары Монмартра ничего не потеряют, если ваша лживая неудобная натура перестанет ступать по ним своими мелкими коварными шажками. Совсем наоборот, останутся в выигрыше.

*Письмо от Бастиана Леграна
для Шарлотты Шевальер*

*Март, 1990 год
Париж, Франция*

Ваш верный слуга передал мне это длинное, полное ненависти послание. Мадемуазель, какой высокопарный тон! Неужели за месяцы нашей, прошу заметить, слаженной работы, я заслужил лишь одни упреки? Осмелюсь напомнить вам, дорогая моя Шарлотта, что без моей помощи вы не провернете ни одной сделки. Вашему милому личику сердитость не идет, как ни старайтесь. Обстоятельства складываются так, что мне потребуется уехать в Лион. На несколько дней. Надеюсь, вы пришлете мне подробный план нашей следующей операции. Буду ждать. С огромным нетерпением. Уж тоже мне поверьте. Не могу не поинтересоваться: у вас, Шевальер, какие-то свои личные счёты с театрами? Так неместно о них отзываться... И к миру искусства мы-таки имеем отношение. Но я понимаю, что вы имели в виду. Увы, Творцами нам не стать. Если только заново родиться. Увы. Увы. Кстати, не забывайте, Шевальер, что мой процент от последней сделки так вами до сих пор и не отдан. Ах да, не так уж и далеко я отошел от юношеских лет.

*Письмо от Шарлотты Шевальер
для Бастиана Леграна*

*Март, 1990 год
Париж, Франция*

Легран, а вы в своем репертуаре. Как и всегда. Исчезаете, Бог знает насколько и куда, предлагаете мне решать все возникающие вопросы и проблемы в одиночку, а теперь, как ни в чем не бывало, еще и напоминаете о своих мифических процентах? Считайте их закономерной платой за свое безрассудство. Если бы меня не объединяли с вами удачно завершённые операции, клянусь, ваше ответное письмо я уже давно бы выбросила. Даже не попытавшись вскрыть конверт. Видимо, говорить «Прощай» нам действительно еще рано. Но все может измениться. В любой момент. Опять же, по вашей

вине. Хорошего отдыха (или чем вы там занимаетесь) в Лионе, беглец. Главный босс, Себастьян, еще не давал никаких указаний насчет дальнейших наших действий. Дам знать, как только что-то прояснится. Куда уж я без вас.

*Письмо от Босса Себастьяна
для Шарлотты Шевальер*

Март, 1990 год

Местоположение засекречено

Кодовое слово — Макгрегор. В аэропорту тебя и Леграна будет ожидать черный «Шевроле». Мои люди продиктуют адрес. Сумма, как обычно, пополам.

*Письмо от мистера Чарльза Макгрегора
для Джеймса Ливингстона*

1990 год

Приветствую, мистер Ливингстон.

Весьма хотелось бы стать счастливым обладателем столь уникальной картины «Бездна», которую вы недавно выставили на продажу. Цена не имеет значения. За этот гениальный шедевр я готов выложить любые деньги. Боюсь, без этого творения моя коллекция полотен никогда не станет полной.

С уважением,

Чарльз Макгрегор.

Основатель Художественной Галереи «Трапеция».

*Запись в дневнике Молли Честер
Надпись на обложке:*

1940-е годы, Штат Орегон, США

Февраль

Иногда мне нравится записывать свои размышления и в настоящем времени. Когда есть свободные минуты. Ведь только так можно

навсегда запечатлеть в памяти момент, про который мог бы спустя годы и не вспомнить.

11:45. До блеска отполированный «Бьюик» бесшумно паркуется у главного входа. Несмотря на сумрачную погоду, витрина кафе сегодня утопает в солнечном свете. Дорожку к нам изрядно припошило снегом, а ветер — ледяной, пронизывающий. Хотя, наверное, не такой уж и сильный, раз вывеска до сих пор на месте, а не улетела куда-нибудь. Как в прошлый раз. Слегка сощурив глаза, я всматриваюсь вдаль. Да, это он. Знакомый силуэт. Звенит колокольчик. Оповещение о визите. Он входит, скидывает шарф, теплое пальто. Аккуратно и неторопливо. Хотя продрог до самых костей. Наверняка. Замечает меня. Улыбается. Всё, как всегда. Ничего особенного.

— За нерасторопность обычно увольняют. Может, поторопишься, мечтательница?

Дороти. Умеет же появляться в самый неподходящий момент. Какой талант у человека. Бесполезный. Я бросаю беглый взгляд на настенные часы и словно возвращаюсь в опостылевшую реальность. Что ж, хозяйка кафе права. Пора уже приступить к работе. Стандартный заказ. Омлет. Жареные овощи. Горячий чай. Я почти никогда не заговаривала с ним первой. Если, конечно, фразы вроде «Вам как обычно, мистер?» или стандартные приветствия можно считать полноценной заменой разговора. Часто он сам брал на себя роль рассказчика, но сегодня, вероятно, просто не его день. На редкость молчалив. В его глазах — печаль. О чём думает, размышляет старик? Полны ли думы этого пожилого мужчины с тростью горестных переживаний? Думаю, да. Но мое ли это дело, Молли Честер, обыкновенной официантки из провинциального городка? Сильно в этом сомневаюсь.

Я обвожу взглядом кафе «У Дороти». Сегодня на редкость мало посетителей. Хотя чему тут удивляться? Виновен снег, а хозяйка почему-то всегда в этом винит сначала меня. И только потом уже природные катастрофы. В полупустом зале сидит мать с детьми. Сегодня у них день рождения. Ее мальчишкам исполнилось девять

лет. Я подала им фруктовый торт за счет заведения. Точнее сказать, за мой. Но Дороти знать об этом вовсе не обязательно. Щедрые чаевые, которые оставляет загадочный старик с тростью, могут порой пойти и на благотворительность, не так ли? Особенно, когда мама этих двух сорванцов крайне бедна. Кроме них здесь еще шумная стая подростков. Забежали перехватить парочку наших гамбургеров по дороге в школу. Сочные фирменные сэндвичи с хрустящей корочкой под названием «Солдат Джек». Что за нелепое название для почти обыкновенного тоста с индейкой и сыром? Я размышляю об этом каждый раз, когда мне приходится их жарить. Что ж, спросите об этом у Дороти. Она всегда загадочно молчит и уходит от ответа, но я подозреваю, что это имя ее погибшего на фронте мужа, которого она очень любила. Солдат Джек, которого всегда будут помнить. Обычно в это время в кафе уже не протолкнуться. Настоящий апокалипсис. Остается лишь надеяться, что завтра ситуация изменится. Когда же уже этот снег прекратит падать... Вероятно, никогда.

— Эй, Молли, снова витаешь в облаках? Так недолго и до увольнения, — прокричал звонкий голос хозяйки.

Снова Дороти за свое. И кого мне обслуживать, если почти никого нет? Лишь бы ворчать, ей Богу. Старик, тем временем, не спеша встает из-за столика, одевается, и нетвердой поступью, опираясь на верного друга — позолоченную трость — покидает кафе. Правда, перед этим, как обычно, просит завернуть для него порцию лимонного печенья. Мягкое, слегка слоистое, оно бережно и с любовью упаковывается мной в пищевую бумагу и перевязывается лентой. Это было его идеей, ведь только так оно могло хоть как-то начать походить на подарочную упаковку. Он приходит сюда каждую неделю. По пятницам. Ровно через семь дней он придет снова. По крайней мере, надеюсь на это. Очень.

— Надо же, какие огромные чаевые. Да уж, скупостью этот странный человек явно не отличается, — Дороти расплылась в ядовитой ухмылке.

Я растерянно хлопаю ресницами, не в силах что-либо ответить. Да и нужно ли? За работу. Неделя быстро пролетит. Наступит пятница, и Том придет. Снова. В этом не может быть сомнений. Никаких.

*Письмо от Шарлотты Шевальер
для Бастиана Леграна*

*Париж, Франция
1990 год*

Надеюсь, ты уже успел вернуться. Следующая остановка — Калифорния. Город Бейкерсфилд. В нашем деле главное — обладать смекалкой. А еще и ногами, которые в самый опасный момент смогут быстро и бесшумно убежать. Что касается вас, Легран, то я начинаю подозревать, что не обладаете ни тем, ни другим. Но работа не ждет. Наш путь начинается послезавтра, на закате. Дальше — по плану. Если, конечно, вы его еще помните.

*Письмо от Бастиана Леграна
для Шарлотты Шевальер*

Что ж, до встречи. Как видите, Шевальер, я даже пропускаю мимо ушей все эти ваши колкости. Но о моей честно заработанной доле с предыдущего дела мы еще поговорим. Обязательно. Чаще улыбайтесь, а иначе, Шарлотта, рискуете слиться воедино с промозглыми весенними дождями, кои Париж наблюдает сейчас каждую чертову секунду. С превеликим удовольствием отправился бы в сравнительно жаркую Калифорнию. Правда, в успешно проведенном будущем дельце я что-то начинаю изрядно сомневаться. Себастьян, наверняка, и сам не догадывается, насколько высоко он замахнулся. Макгрегор-старший — тот еще тип. Впрочем, я с ним лично не знаком. Всего лишь мои поверхностные суждения о всяких божественных личностях, почитателях искусства, даже если оно (как по мне) не стоит ни единого жалкого цента.

P.S. Шарлотта, как ваши дела? Мне действительно интересно.

*Письмо от Шарлотты Шевальер
для Бастиана Леграна*

А вы, Легран, не сомневайтесь. Ваше лицо не должно выражать ни капли неуверенности, ни толики сомнения. Это первый признак будущего провала. Запомните. А лучше где-нибудь запишите. На всякий

случай. Вдруг у вас первые признаки рассеянного склероза? И именно по этой причине вы не пришли тогда на нашу запланированную встречу? Впрочем, уже не важно. Совершенно не могу согласиться с вами насчет парижских беспросветных дней. Подобная дождливая погода всегда действует на меня умиротворяюще. Где радоваться унылым дням, если не в Париже?

Я выросла без матери (она погибла). И меня отец воспитывал. Хотя воспитывать — довольно сильный глагол. Уже через некоторое время он снова женился. На не слишком умной девушке, если говорить совсем уж снисходительно. Отец в своих действиях не видел ничего криминального или даже просто предосудительного. Совершенно. Для него — это любовь. Чувства, которые не спрашивают, когда им можно начаться. Через полгода или же через пару месяцев. Да, именно так он и говорил. Точнее, продолжает говорить. Иногда. Но уже по телефону, в сообщениях на автоответчике, которые я останавливаю на половине разговора, или в редких письмах, которые я ментально выбрасываю в камин... К чему я это всё... Может быть, этот ваш недавний побег, Легран, невольно заставил меня снова вспомнить о том, что никогда не знаешь от кого можно ожидать предательства. И даже те, на кого бы никогда не подумал, сумеют найти способ причинить тебе боль. Вот видите, Бастиан, что способна сотворить со мной дождливая погода. Пожалуй, слишком много откровений для одного письма.

До встречи,
Шарлотта.

Письмо от Босса Себастьяна для Бастиана Леграна

Легран, приветствую.

Итак, у нас следующие планы:

а) Макгрегор так до сих пор и не получил на руки эту картину. Если в ближайшее время «Бездна» не окажется у него, то мы будем вынуждены потерять наших клиентов. Ты же знаешь, наш главный Босс не любит ждать.

б) Самое главное: нам крайне важно обойтись без жертв. Мои люди возьмут под неустанный контроль все действия и передвижения